

Наталья Гайдашова

БАБЕТТА

16+

Наталья Гайдашова

Бабетта

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гайдашова Н. Н.

Бабетта / Н. Н. Гайдашова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Жизнь, любовь, одиночество... Жизнь невозможна без любви, любовь полна разочарований, и нет человека, который бы не испытал в жизни любовь, при этом не чувствуя себя одиноким. Героиня рассказа Светлана Николаевна оказывается на грани между жизнью и смертью. Ее подсознание защищается от надвигающейся катастрофы и создает иллюзию другого мира и другой Светланы Николаевны, ставшей в одночасье молодой и красивой. Однако, чтобы эти чудесные изменения произошли, она должна "пройтись" по своей жизни, начиная рассказ с детских лет и заканчивая последним роковым для нее днем.

© Гайдашова Н. Н., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть первая	5
Рассказ Светланы Николаевны	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Часть первая

Рассказ Светланы Николаевны

По длинному коридору шла женщина. Этот коридор слабо освещён, но нигде не видно осветительных приборов, на стенах не были укреплены факелы и не горели живым огнем свечи в канделябрах. Тусклый свет лился ни откуда, впереди он заглушался сам собой, и мрак сгустился. Впрочем, коридор больше похож на тоннель. Гладкие, темные стены как зеркала отображали тень женщины по мере её продвижения, ровный пол не отдавался стуком её глухих шагов, а потолок временами казался «живым» и напоминал темное низкое небо перед грозой. Женщина шла уже давно. Она потеряла нить времени. Иногда она приходила в отчаяние от того, что тоннель не имеет конца, хотя и начала она не помнила. Тогда женщина начинала что-то беззвучно шептать и проводить руками по лицу, как будто ощупывая его. В тишине изредка легкое дуновение воздуха налетало из-за спины женщины и тогда ей слышалось, будто это раздаётся чей-то скорбный вздох, но она ни разу не оглянулась, лишь ускоряла шаги и дрожащими пальцами проводила по щекам. Постепенно, чувства притупились, и она уже не пугалась «вздохов» и полумрака. Поначалу её одолевали мысли, они были разными и сменяли друг друга непоследовательно, но и они притихли. Наконец, вдали показалась дверь. Это была обычная дверь. Приблизившись к ней, женщина положила руку на дверную ручку, и та охотно приняла её. Пальцы слегка нажали, ручка с легкостью пошла вниз, тихо щелкнула и больше не сдерживала дверь. Женщина толкнула её и оказалась в комнате. За массивным и старомодным столом сидел Человек. Стол стоял посередине комнаты, и кроме одинокого стула больше мебели не было. Сама же комната напоминала большую коробку с такими же гладкими стенами, глухим полом и мрачным потолком, как и в тоннеле. Это и была часть тоннеля, отделенная дверью и имеющая окончание в виде темной стены. Такой же ровный и приглушенный свет встретил женщину, такая же тишина обступила её. Человек поднял голову от бумаги, на которой быстро что-то записывал, широко улыбнулся, встал из-за стола и протягивая руки к женщине радушно сказал:

– Светлана Николаевна, голубушка, что же вы стоите в дверях, проходите, садитесь, вот сюда, на этот стул. Я признаться вас заждался.

Женщина не сдвинулась с места, по её щекам струились слёзы.

– Вот так клюква! Слезы! Почему слезы?

– Я боюсь. – еле слышно произнесла Светлана Николаевна.

– Меня боитесь? Не надо меня бояться. Я не причиню вам никакого вреда. – сказал Человек и улыбнулся.

Светлана Николаевна села на краешек стула, провела ладонями по коленям, расправила платье и затихла.

– Так чего вы боитесь, дорогая и любезная моя, Светлана Николаевна?

– Боюсь, что детей не увижу, и вообще больше ничего не увижу. – немного подумав, ответила женщина.

– Полно вам, детей вы своих видели очень редко, а плачете больше от жалости к себе, чем от страха. Сознайтесь, что это так.

– Да. – покорно соглашается Светлана Николаевна.

– А вот жалеть себя не надо, потому что все у вас хорошо.

– Что же хорошего! Не знаю где я, не знаю кто вы.

– Согласен. Разговаривать не представившись, невежливо. Однако, я боюсь, что, назвав себя, ещё больше вас запутаю, поэтому решим так – я доктор. Лечу человеческие души.

Помните, вы посещали Клосса Станислава Сбигневича, разве не замечаете сходства: костюм, голубая рубашка, приятный парфюм.

– Ой, как же это...

– Всё от вашей невнимательности. Зашли и сразу в слёзы ударились. А так согласитесь – похож!

– Очень похож.

– Славно! Идём дальше. Я обладаю полномочиями провести с вами беседу, по окончании которой вы почувствуете себя лучше.

– А разве я больна? – на лице Светланы Николаевны высыхают слезы, но появляется тревога, которая в любой момент может пролиться неподдельными влагой.

– Конечно. – с живостью отвечает Человек. – Больны и не знаете об этом. Для того, чтобы идти дальше, надо быть здоровой, то есть абсолютно здоровой.

– Как же я поправлюсь так быстро, у меня ноги болят лет десять, чем только не лечилась, ничего не помогает. – как бы оправдываясь, говорит женщина и в очередной раз проводит руками по коленям.

– Что вы! – у Человека округлились глаза, – какие ноги! Разве о них речь! Забудьте об этом. Мы про вашу душу говорим. Лишь она может быть больна, поверьте мне, я знаю о чём говорю.

– А нельзя без лечения?! – Светлана Николаевна воскликнула это таким тоном, что невольно хочется, чтобы она продолжила. – Умоляю!

– Давайте по порядку, без лечения нельзя, и идём мы с вами вперед. Согласен, что туманно. Но объяснять – дороже выйдет. Доверьтесь мне. Я же доктор, поэтому вреда вам не причиню.

– Лечить-то меня таблетками или уколами будете?

– Что вы, голубушка, никакой химии, только проверенные, можно сказать народные, средства.

Светлана Николаевна трогает себя за лицо (вроде все на месте). «Я сошла с ума, – проносится у нее мысль, – в психушке нахожусь».

– Нет и еще раз нет. Как вы могли такое подумать! – Человек с возмущением развёл руки. – Как вам такое в голову могло прийти! В психушке!

– Мне не хорошо, голова кружится! – Светлана Николаевна закрыла глаза.

– Это с не привычки! – радостно восклицает Человек. – Воздух у нас здесь чистый, можно сказать божественный! Пересядьте вот сюда, на диванчик, вам будет удобнее.

– Откуда он ...

– Уверяю вас, стоял на этом самом месте.

Диванчик с высокой спинкой, пухлый и несуразный, с круглыми подлокотниками, напоминающими два больших батона варенной колбасы, стоял справа от женщины. Она села на диванчик и сразу утонула в его мягкости так, что оказалась сидящей почти на полу с высоко поднятыми коленями. Светлана Николаевна положила на колени ладони, потом спохватившись, провела пальцами по лицу, удостоверилась, что оно на месте, и вернула руки на прежнее место. Она вспомнила, что сидела на таком же диванчике у Станислава Сбигневича, но его диван был белого цвета, а этот коричневого. Вспомнила Светлана Николаевна, с каким хвастовством доктор рассказывал, что заказал диван из Италии у очень модного и дорого дизайнера, и назывался диван в переводе с итальянского «Облаком».

– Согласитесь, что к нашей обстановке больше подходит коричневый цвет, Светлана Николаевна.

Женщина кивнула. Ей вдруг очень захотелось пить, так захотелось, что в горле пересохло, а распухший язык занял почти всё пространство во рту.

– Светлана Николаевна, любезная моя, а не выпить ли нам с вами чайку, как вы любите с баранками и вареньем?

И не успела женщина согласиться с таким заманчивым предложением, как на столе появился поднос, накрытый белым полотенцем, а перед ней низенький столик, как раз подходящий по высоте к её коленям. Как он там очутился – полная загадка. Человек снял полотенце с подноса, и женщина увидела необычайной красоты чайник, две чайные пары, хрустальную вазочку с вареньем, и фарфоровое блюдо с баранками. Человек разлил по чашкам душистый чай и перенёс поднос на столик перед Светланой Николаевной. Себе же оставил чашку на столе, да так ни разу к ней и не притронулся.

– Как вы любите, без сахара.

Светлана Николаевна сделала глоток, потом второй, потом залпом выпила весь чай из чашки, несмотря на то что он был горячим.

– Хорошо. – сказала она. И аккуратно поставила пустую чашку на поднос.

Человек подошёл и наполнил ещё раз чашку, и этот чай женщина выпила залпом. Человек налил третью, а потом и четвертую чашки, и чай благополучно переключал в Светлану Николаевну.

– Пить очень хотелось. – пояснила она в своё оправдание. Жажда – вздохнула и положила ладони на колени.

– Жажда. – повторил Человек. У нас вода очень вкусная, нектар, да и только.

Женщина согласно кивнула головой.

– Ну что, Светлана Николаевна, предлагаю начать разговор. Вам теперь спокойней?

– Да, только душно немного.

Лицо у женщины покраснелось, и на лбу выступила испарина.

– Сейчас поправим. Окно откроем и дышите воздухом сколько хотите.

– Окно-то откуда взялось. – с испугом прошептала женщина.

– Вы меня пугаете, я уже начинаю думать, что у вас любезная моя, Светлана Николаевна, со зрением неладит.

За спиной женщины открытое настежь окно впустило потоки воздуха в комнату, и сразу разлился аромат сирени, (который так любит Светлана Николаевна), и по темному потолку побежали салютом солнечные зайчики, собрались по углам светлыми пятнами, а потом опять рассыпались и опять образовали круги. В комнате стало светлее, и все мрачные тона пропали, темные углы выступили из тени вперед, как будто вечерние сумерки неожиданно сменились на солнечное и радостное утро. Помимо свежести, в комнату доносилось птичье пение, разноголосое и немного крикливое, какое бывает в мае, когда множество самых разных по размеру и оперению птиц в лесу среди веток кустарников или по берегам реки возвещают начало весны.

– Давайте начнем с детства, – Человек развернул стул в сторону женщины, положил ногу на ногу, и всем своим видом продемонстрировал готовность слушать.

– С моего детства? – задаёт вопрос женщина, и в отличие от Человека она явно не была готова к беседе.

– Да, с самых первых воспоминаний, милейшая моя, Светлана Николаевна. Не торопитесь, подумайте. – подбадривает её Человек. Выражение лица у него мягкое, карие глаза так и светятся добротой, и весь его облик говорит, что он деликатный и воспитанный человек, что он располагает к откровенному разговору и умеет хранить чужие тайны.

– Ой, не знаю с чего начать. Давно из детства выскочила.

Наступает пауза. Птицы поют за окном, аромат сирени радует, жёлтые блики переливаются на потолке, Человек терпеливо ждет. Женщина начинает рассказ:

– Помню, я с мамой гуляю в парке, помню мороженное у меня в руках – эскимо обсыпанное ореховой крошкой. Это было самое дорогое мороженное. Обычно брали за семь копеек плодово-ягодный щербет. Мы были с мамой вдвоём, без сестер. У меня ещё две старшие

сестры. Мороженное растаяло, и я перемазалась в шоколаде. Я слизывала его с рук и с обёртки. А потом расплакалась с досады, что столько мороженого пропало. Бывало, что мы с сёстрами могли скопить немного денег, тогда покупали бутылку газировки и сайку с конфитюром. Газировку делили поровну, а булку мерили линейкой, чтобы всем досталось одинаково. С детских лет я знала, что такое экономия. Денег всегда не хватало. Жили очень скромно.

– Это плохо?

– Чего ж хорошего. Отказываешь себе во всём, завидуешь, если у кого-то есть, а у тебя нет.

– Зависть может стать стимулом для стремления к лучшему.

– Сразу видно, что не жили вы на задворках и нужду не нюхали.

– Чем же она пахнет?

– Щами из квашенной капусты, сыростью и старьём, а ещё долгами. – Светлана Николаевна горячится, но взглянув на Человека успокаивается. Человек, вертит в руках шариковую ручку, самую обычную дешёвую шариковую ручку. Вид этой ручки действует на женщину умиротворяюще. «У меня такая была». – проносится мысль в ее голове.

– Светлана Николаевна, а разве долги пахнут? – Человек говорит это с иронией.

– Пахнут? Воняют! Отчаянием, унижением. Особенно, когда вовремя не можешь отдать. Всегда боялась долгов, да только всю жизнь жила в долг.

– А что же плохого в щях?

– Ничего плохого нет, если готовишь их для разнообразия, к примеру, раз в полгода, а если кушаешь щи изо дня в день, поверьте, возненавидишь их. Так прежде чем сварить такие щи, осенью всей семьёй капусту рубим. Мать капусту в деревянное корыто бросает, отец сечкой рубит, а мы дети морковку моем, чистим и трём на терке. Потом готовую просоленную капусту в большие эмалированные баки (женщина разводит руки, показывая размер бака) укладываем и ставим в комнате в тёплое место, для закваски. Вонь стояла! Вот из такой капусты мать всю зиму щи варила и на обед, и на ужин.

– Где же вы ее хранили?

– Сарайки в каждой семье были. Капусту, картошку, моркошку, хлам всякий там и хранили.

– А кто были ваши родители?

– Обычные люди. Мама всю жизнь лямку тянула, всегда уставшая, худая была – кожа да кости. Отец пил. Колотил нас всех по пьяни. Трезвый был безобидный, даже тихий. Пить совсем не умел. Как только ему за воротник попало, всё – ушел в запой на несколько дней. А тогда и буянит и руки распускает. С работы не увольняли, потому что столяр был хороший.

– Светлана Николаевна, у меня, признаться, вызывает улыбку его прозвище, очень оно ему шло: «Сопулькин». Постоянно висела у него над губой зеленая сопля.

– У отца был хронический гайморит. – в голосе женщины слышится осуждение.

– Да, да знаю, но и вам доставалось из-за папенькиной сопки. Вас же все детство звали Светка Сопулькина. Сознайтесь, что вам было обидно и местами вы отца своего просто ненавидели.

– Да, обидно было, так и что, дите глупое да неразумное. Всё детство мне было за что-нибудь обидно. Жили так непутево. – и в голосе женщины слышится уже не осуждение и не обида. Её печалит эти воспоминания.

– На краю посёлка, – продолжает она, стояло несколько деревянных барачков, построенных ещё до войны. Местные жители называли их «Шанхай».

– Почему «Шанхай»?

– Потому что удобств в них не было, и забиты они жильцами были под завязку. Район был, как принято сейчас говорить, «не престижный». В одном из барачков, с десятком других семей, жила и наша семья. Тесно, детей много, мужики все горькую пили. Скандалы каждый день,

то у нас, то у соседей. Наша семья занимала две маленькие комнаты, метров по четырнадцать каждая. Сначала жили в одной, но мать добилась, дали нам соседнюю комнату. Расширились, значит. Кухня общая, туалет на улице тоже общий. И жизнь у всех общая, на виду, все про всё знали. Помню, отец никак не мог уговориться, уже давно за полночь, а он поёт. Любимая песня у него была «По диким степям Забайкалья». Сидит за столом, нога на ногу перекинута, голова опущена и тянет «По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах ...», а потом заплачет так горько-горько, кулаком по столу грохнет: «Зойка, так тебя рас-так, дай пожрать». Мать ему «Ложись спать, третий час ночи, детям завтра в школу». Под утро соседка не выдержала, пришла к нам. Бойкая такая была, с мужиками на кулаках дралась.

– Так прямо и дралась?

– Чему вы удивляетесь. Я же сказала, пили мужики. Если у какой бабы скандал в семье, пойдет сосед соседа укрощать? Нет. Событьишники ведь. Прозвище у неё было не очень приличное. Светлана Николаевна улыбается и отводит взгляд.

– Какое?

– Не удобно мне его вам говорить.

– Светлана Николаевна, мы же взрослые люди.

– Ну ладно. Звали её все Люська Жопова. Очень уж зад у неё был выдающийся. Не давал он покоя людям. Люську бедную замучили шуточками. Больше-то конечно мужики зубоскалили. Она, наверное, в отместку им пьяным тумачи-то и раздавала. Бывало, к ней за помощью битая жена прибежит, уже не за себя просит, за детей. Так Люська как корова бешеная, только не мычит, ринется на пьяницу, бьет бедолагу с размаху без разговоров. Что под руку попадалось, тем и ошпаривала. Но зла мужики на неё не держали. Проспят, протрезвеют и ещё благодарят, что остановила, до греха не дала допрыгаться.

– Понятно, значит и батюшке вашему досталось?

– Досталось. Терпела Люся долго, потом не выдержала (у нас стенка между комнатами общая была, слышно хорошо), заходит без стука и видит: свет горит, накурено, отец за столом сидит, песни поет и слезы размазывает, я с сёстрами на диване, мать в уголке на краешке табуретки примостилась.

– Развлекаешься сосед! – говорит грозно.

– Тебе то что. – отвечает отец. – Иди...

Ну, понятно куда.

– Ты песни поешь, тебе весело, а я из-за тебя не сплю. Да я тебя Колька соплей перешибу!

Схватила его за грудки, потрянула, потом кричит матери: «Полотенце давай!». Повалила его на пол, сверху села, задом придавила, он пошевелится не может. Тут и мы на помощь подоспели, связали его по рукам и ногам полотенцами. Отец больше от унижения, что скрутили его бабы с ребятишками, ругается. Оставили на полу связанного, а сами спать пошли в другую комнату. Верите, так устали пока с ним воевали, что уснули замертво. Утром зашли в комнату и ахнули. Около отца табуретка валялась, пока свалка-то была, уронили и не поставили. Он же от злости ножку у табуретки сгрыз, как бобры грызут, одни щепочки валялись вокруг. А табуретку сам сделал. С нами несколько дней потом не разговаривал, так обиделся.

Человек и женщина посмотрели друг на друга. Человек с сочувствием, женщина устало. Её руки лежат на коленях и временами гладят их, как будто массируют. Это движение, по всей видимости, очень успокаивает женщину. Она больше не трогает себя за лицо. Кажется, что она привыкла к окружающей её обстановке и Человеку, но теперь всё отчетливей проступает на её лице тень, она тяжелой маской сковывает черты лица и придает ему болезненное выражение. Ей тяжело думать и собирать мысли в стройный поток слов. Она с удовольствием бы уснула. Однако, она точно знает, что уснуть не смогла бы, а только лежала бы с закрытыми глазами, как она часто делала длинными ночами.

– Светлана Николаевна, вы устали?

– Нет. Я думаю, что рассказывать дальше.

Женщина опустила глаза и стала внимательно рассматривать руки. Раньше она не замечала, что у неё такие не красивые пальцы.

– Знаете, я в детстве очень тихая была, запуганная что ли. Прятаться очень любила в уголок в общем коридоре барака. Мебель старую свалили в кучу у стены, шкаф стоял не плотно к стенке, небольшая щель была. Я любила туда залезать, так мне там спокойно и безопасно было. Я придумала, что это мой домик. Наклеила открытки на стену для красоты. Скатаю маленькую горошинку из пластилина, к стенке прикреплю, а на неё сверху открытку. Сажу на полу, люблюсь. На открытках в основном были цветы. Подружка у меня была, Таней звали. Она жила в нашем бараке с родителями. Постарше меня на год. Тихая, как и я. В щель эту мы вдвоем не помещались, поэтому сидели по очереди, она за шкафом, я на полу рядом. Потом местами меняемся... История с ней произошла страшная.

– Я знаю. – говорит Человек. – Хотите я сам расскажу про Таню. Жили они в такой же маленькой комнате, как и вы. Отец её Виктор Жуков и выпить любил и лодырем был. Во время войны в самый голодный год безобидного вида старичок предложил девятилетнему Вите поиграть в игру, интересную игру, как он сказал, в обмен на стакан молока, и пообещал, что игра ему понравится. Но игра Вите не понравилась, во-первых, молоко оказалось прокисшим, во-вторых, сама игра была, если так можно выразиться, на любителя. Встреча с этим дедушкой не прошла для Вити бесследно. Как то, находясь в подпитии, он предложил Тане, своей дочери, поиграть в ту самую игру. У бедной девочки не было выбора. Ей пришлось играть. Играть до тех пор, пока однажды не вовремя вернувшаяся мать не застала их за этой игрой. Был суд. Виктору дали двенадцать лет колонии. Там он и умер. А Таня с мамой уехали жить в областной город от позора подальше. Таня закончила институт, работает учителем русского языка и литературы, дети её любят за доброту. Замуж она не вышла. Появилась у неё подружка. Про их тайную связь никто не догадывается. Так и живёт. Кстати, часто вспоминает вас, уголок за шкафом и открытки на стене. Знаете, что самое поразительное?

Светлана Николаевна скривила губы, но глаза у неё сухие.

– Таня простила отца. В душе у неё нет ненависти к нему, а когда узнала, что он умер, искренне горевала. Чистая душа!

– А что же Витька, раскаялся?

– Нет. Когда умирал, то и тогда не просил прощения у дочери.

– И что же, есть таким извергам наказание, или всё им с рук сходит?

– Наказание? Не могу ответить.

– Значит, нет наказания? – горячится Светлана Николаевна.

– Любезная моя, Светлана Николаевна, разве тюрьма не наказание.

– Нет, я про суд божий говорю!

– У-у, куда вас закинуло! Я не знаю, а вот Виктор уже смог бы вам ответить.

– Нигде правды не услышишь, вот вы тоже выкручиваетесь. А что тогда про людей грешных говорить! – спорит Светлана Николаевна.

– Вы не справедливы! Я не выкручиваюсь. Придет время, и всё узнаете сами, но не от меня. Я вам правду рассказываю, а выводы уже сами делайте.

– Мой вывод – Витька не был наказан по справедливости!

– А как по справедливости?

– Порвать его надо было на части!

– Так его и порвали. Поверьте, он же игрушкой стал для многих заключенных. Только он играл с дочкой понарошку, а с ним все жёстко было.

Светлана Николаевна опять скривила губы, подняла взгляд к потолку и увидела там легкие тени, так похожие на облака.

– Ох, как мне тяжело. – подумала шёпотом женщина. – Какие же это муки!

Человек реагирует незамедлительно.

– Дорогая моя, Светлана Николаевна! Давайте прогуляемся. Разомнем ноги, полюбуемся на лебедей.

– На лебедей? – женщина с сомнением посмотрела на Человека.

– Да. Вы видели лебедей?

– Видела, по телевизору.

– Прекрасно, теперь увидите их вживую.

Светлана Николаевна попробовала подняться с дивана. Не получилось, и тогда она села бочком и согнувшись, с трудом подняла свое грузное тело.

– Идемте. – говорит она, не глядя на Человека.

– Идемте. – эхом отвечает он.

Человек открыл дверь, и вместо полутемного тоннеля, они оказались на невысоком крыльце, которое окутал солнечный и теплый день. Как только они спустились по ступенькам, перед ними расстелилась дорожка. Она заманчиво петляла среди кустов и деревьев. Когда диковиной красоты кусты, усыпанные цветами разных форм и расцветок, заканчивались, то появлялись лужайки, а среди идеального газона были разбиты клумбы. Всё тот же птичий гам преследовал идущих по дорожке Человека и женщину. Богатый ароматами цветов, разогретый солнцем воздух, приятно обдувал лицо. Такая жизненная сила была разлита вокруг, что Светлана Николаевна на мгновение забыла, что с ней произошло, и где она находится.

– Вам нравится здесь, Светлана Николаевна?

– Рай пресветлый! – в её голосе восхищение, лицо разрумянилось, и улыбка очень молодит женщину.

Неторопливым шагом подошли они к пруду, воды которого переливаются ярким светом и как в зеркале повторяют редкие, уплывающие вдаль, облака.

– А вот и заветная скамейка! Прошу вас, присаживайтесь.

Светлана Николаевна села, и сразу из ниоткуда возникли и медленно проплыли два лебедя. Изогнутые благородные шеи были повернуты в её сторону, плавное скольжение птиц по воде как будто заворачивают женщину, и она сосредоточенно рассматривала их.

– Красавцы! Как они вам, лучше, чем по телевизору?

– Лучше, только, знаете, на гусей похожи... – женщина делает паузу и добавляет. – Немного.

– Между лебедем и гусем всё же есть разница.

– Конечно, лебедь яиц не несёт. – уверенно отчеканивает Светлана Николаевна.

– Всё дело в яйцах?

– Гусь для человека полезней, мясо, пух и перо.

– С этой точки зрения полезней, а эстетика?

– Что? – не понимает женщина.

– Красота, согласитесь, лебедь красив.

– По мне, что гусь, что лебедь. Разницы не вижу.

Светлана Николаевна вспоминает небольшой пруд на окраине посёлка, полный гогочущей птицей. Разбросанные по земле серые и белые перья, птичий помёт повсюду, шум от неугомонных гусей. Эти два лебедя на тихой воде пруда в этот солнечный день кажутся ей не живыми, думается Светлане Николаевне, что сейчас закроет она глаза, а когда откроет их, и лебеди исчезнут.

– Любезная моя, Светлана Николаевна, вы не размышляли о том, что порой действительность, которая окружает нас, в будущем станет прошлым и тогда появится иллюзия того, что с нами не было тех или иных событий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.